

Размороженные.

О «мыслящем пролетарии», каспийской вобле, футлярной партийщине и прочих «мелочах жизни».

Фельетон.

Двадцать лет тому назад, а именно 6 августа 1981 года я опубликовал в парижской газете «Русская мысль» статью-рецензию на книгу ныне покойного Э.Бройды «Чехов–мыслитель, художник», изданной во Франкфурте-на-Майне в 1980 году. Статья эта довольно велика и несмотря на прошедшие годы, изменившие Россию и вместе с ней мир казалось бы до неузнаваемости, на мой взгляд, сохранила свою актуальность, и, более того, ныне может быть еще более актуальна.

Двадцать лет назад, при отсутствии в России общества, окончательно национализированного государством в конце двадцатых годов, проблема могла показаться лишь исторически интересной, но ныне при возрождении все-таки российского общества, при тотальной приватизации не только государственного имущества, но и государственной монополии на общественное мнение, проблема чеховского «мыслящего пролетария» весьма современна. Разумеется, нельзя оспаривать саму приватизацию того или другого, однако, если вопрос о приватизации государственного имущества при участии и попустительстве тогдашней «демократической» власти, на мой взгляд, прост и не требует философско-психологического исследования, не требует литературных эссе, фельетонов, а требует, всего навсего, обыкновенного прокурора, не обязательно Бог весть какого талантливого, просто предрерживающегося духа и буквы уголовного кодекса, то вопрос приватизации общественного мнения такого исследования требует, потому что общественное мнение – это не нефть, не никель, не водка и не черно-красная икра, - это нечто лежащее в области духовной.

Ничто не может возникнуть из ничего. В области материальной, а именно имущества, это наглядно, и не надо иметь юридического образования, чтобы понять, что баснословные богатства в обнищавшей стране можно нажить только определенным образом, далеким от честных путей. Но если в области материальной это все-таки приватизация богатства, то в области духовной – это приватизация нищеты общественных отношений, уходящих корнями в далекое прошлое.

Герцен писал о московских нравах: «Нельзя не отступить в ужасе перед этой удушливой атмосферой, перед картинами этих нравов, являющихся лишь бескусной пародией на нравы восточной империи. Пирь, торжества, шествия, вечерни и обедни, приемы посланников, переодевания по три-четыре раза в день составляли единственное занятие царей. Их окружала олигархия, лишенная культуры и достоинства. Эти гордые вельможи, кичившиеся должностями, которые занимали их отцы, бывали биты плетью на царских конюшнях и даже кнутом на площадях, не считая то за оскорбление. В этом невежественном, тупом и равнодушном обществе не чувствовалось ничего человеческого... Народ, поникнув головой, стоял в стороне. Не сеченые ли бояре способны были указать ему путь?» Против этого-то состояния гниения заживо и восстали люди, мыслящие либерально. А поскольку не было свободного парламента, не было свободного суда, то прежде всего восстала классическая российская литература. Балет был крепостной, театр подневольный, художники зависели от Академий, музыка была либо слишком далека от народа, либо слишком народна, чтобы как-то воздействовать и что-то изменить. Поэтому литература художественная, беллетристика и публицистический журнализм, созданные людьми мыслящими либерально, даже если они нередко полностью или частично придерживались

консервативных взглядов, и выступили против существующих нравов. Впрочем, известный консерватизм всегда необходим при либеральном развитии. Консерватизм, как сдерживающие вожжи, как тормозной механизм, как средство контроля и самоконтроля. Разложение и гниение консерватизма всегда приводит к разложению и гниению либерализма, это единый процесс, который можно наблюдать в истории развития предреволюционной и послереволюционной России, а также в истории советской и постсоветской. Кстати, на Западе процесс подобен, но я его касаться не буду, это особый разговор, а тема все-таки российская. Скажу, что Запад тут примером для подражания служить не может, надо искать примеры в собственной истории, в собственной культуре. Достоевский, бывший либерал, ставший консерватором, разглядел начало процесса разложения российского либерализма, но его слишком горячий и пристрастный взгляд не сумел заметить, что процесс связан с процессом разложения и российского консерватизма. Иное дело Чехов, о котором критик Михайловский написал: «Господин Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель почитывает. Что попадет на глаза, то он и изобразит одинаково холодной кровью». Михайловский, который, как известно, Достоевскому дал определение «жестокий талант», как будто талант нуждается в каких-либо прилагательных, сам в значительной степени является персонажем, но скорее Чехова, чем Достоевского. В большей степени персонажами Достоевского являются нынешние последователи, духовные правнуки и правнучки, внучатые племянники и внучатые племянницы Михайловского на литературно-критической и прочей творческой ниве. Михайловский все-таки требует более тонкого, если хотите, холодного исследования. Это – профессор Серебряков из «Дяди Вани» или, если женского рода, то какая-нибудь Лида Волчанинова из «Дома с мезонином», либеральствующая краснобайка. А нынешние последователи Михайловского уже во многом водевильны. Большинство из них – даже не «мыслящие пролетарии», а просто «наши» из «Бесов». Заправляют, разумеется, и определяют «мыслящие пролетарии». Понятие пролетарий по-латински *proletarius* принадлежало к неимущему слою в древнем Риме, в период раннего капитализма – это лишенный средств производства наемный рабочий. Однако по мере развития молоха капитализма и развития противостоящих ему социал-революционных сил, как это не редко бывает, многое у своего противника перенявших, менялось и понятие пролетарий. Понятие пролетарий – как символ бедности – отступило на второй план и в марксовых, а особенно в ленинских построениях пролетарий – это то, что наиболее пригодно для партийного строительства, для партийщины. Ведь и крестьянин, российский мужик был беден, ведь и гоголевский чиновник был бедней бедного, ведь и разночинец Достоевского был беден, чеховский интеллигент жил на медные гроши, однако все это был непригодный для партийного строительства материал. Для того, чтобы стать партийным строительным камнем, надо было, согласно партийной лирике Маяковского, из единицы обратиться в нуль, надо было стать никем, тогда как партия, особенно ленинского типа, должна была стать всем. Наименее пригодным для партийного строительства материалом был, конечно, либерал - индивидуалист и идеалист. Недаром либералов Ленин особенно сильно ругал с присущей ему грубостью, ругал гораздо более, чем консерваторов, которых, хоть и ругал, но с большим уважением. И «архиглупцы» и «архиподлецы», и «архи по матушке», если взглянуть на неофициальные писания. А главным образом за то, что для партийного строительства непригодны и даже вредны. О партийном строительстве яснее ясного сказано у Маяковского в его лирико-математической теории определения человеческой единицы как нуля: «Единица – вздор, единица – ноль». Единица – кому она нужна. Голос единицы тоньше писка, плохо человеку, когда он один, горе одному, один не воин, а «если в партию сгрудились малые, сдайся враг, замри и ляг. Партия – рука миллионопалая, сжатая в один громадный кулак» и т.д. Однако задолго до

Маяковского на ту же тему лирико-математическую и почти что теми же словами, хоть и совершенно по иному поводу, а именно о каспийской вобле писал Глеб Успенский, замечательный беллетрист-народник, на мой взгляд, недостаточно оцененный. А такие как он, талантливые литературные ремесленники, натуралисты-наблюдатели, предтечи чеховской высокой художественности пестрых мелочей жизни, необходимой для правильного понимания исторического вчера, а значит и нынешнего сегодня и будущего завтра России. Необходимый не менее, чем пристрастный гений теоретика-экспериментатора Достоевского, ибо, как сказано у Бориса Пастернака,

«...из некоторой дали

Невидно стало мелочей,

А мелочи преобладали».

В одном из своих очерков «Мелочи путевых воспоминаний» Глеб Успенский пишет, что, возвращаясь из своих плаваний по Каспийскому морю, с удивлением чувствовал какую-то странную, необъяснимую тоску. С пароходом встречались лодки с пойманной рыбой. «Какая это рыба?» – спросил он. – «Теперича пошла вобла», – отвечали ему. – «Ишь, сколько ее валит, теперича она *сплошь* пошла». Это слово «*сплошь*», пишет Георгий Валентинович Плеханов, в свое время анализировавший этот очерк, хоть и со своих марксистских, но все-таки не ленинских партийно-пролетарских, а с партийно-либеральных позиций, пролило неожиданно для автора свет на его душевные настроения. «Да, – подумал он, – вот от чего мне и тоскливо, теперь пойдет все *сплошь*, и сом *сплошь* прет целыми тысячами, целыми полчищами, так что разогнать невозможно, и вобла тоже *сплошь* идет миллионами существ, одна в одну, и народ пойдет тоже один до Архангельска и от «Адесты» до Камчатки и от Камчатки до Владикавказа и дальше до персидской, до турецкой границы. Все теперь пойдет сплошное, одинаковое, точно чеканное: и поля, и колосья, и земля, и небо, и мужики и бабы, все одно в одно, один в один, одними сплошными красками, мыслями, костюмами, с одними песнями, все сплошное, и сплошная природа, и сплошной обыватель, и сплошная нравственность, и сплошная правда, сплошная поэзия, словом, однородное стомиллионное племя, живущее какой-то сплошной жизнью, какой-то коллективной мыслью и только в сплошном видя доступное понимание. Отдельную из этой миллионной массы единицу, положим, хоть нашего деревенского старосту Семена Никитича попробовать понять – дело невозможное, вобла сама по себе стоит грош, миллион вобл – капитал, миллион Семенов Никитичей составляет тоже полное интереса существо. Жутковато и страшновато жить в этом людском океане, миллионы живут как прочие, причем каждый отдельный из этих прочих чувствует и сознает, что во всех смыслах цена ему грош, как вобле, и что он что-нибудь значит только в куче». Георгий Валентинович Плеханов, марксист-либерал, комментирует: «Тут опять есть неточность. В России нет однородного стомиллионного племени, и однако все это взятое в надлежащей пропорции совершенно поразительно верно». Вот именно, приведя эту большую, но необходимую для понимания сути вопроса цитату, добавлю и от себя: по прошествии более чем столетия оно неверно разве что в отношении воблы. Из-за экологических преступлений неразумной цивилизации, в которой Россия, конечно, впереди планеты всей, каспийская вобла больше *сплошь* не валит, как и иная рыба иных морей, цена вобле не грош, а гораздо более и на миллионы вобл можно стать и становятся финансовым олигархом. Словечко-то какое выдумали *oligos* – немногие, *arche* – власть. Впрочем, по сути верно. Это *oligos* власть немногих, конечно, принимала и принимает участие в партийном строительстве. Особенно партии ленинского типа, о которой писал Маяковский в своей поэме «Владимир Ильич Ленин», посвященной российской коммунистической партии. Если партия – рука миллионопалая, то кто-то ведь должен ее сжимать в один громающей кулак. Если в партию сгрудились малые, пролетарии, которым нечего терять, кроме собственных

цепей, приобретут же они общие партийные цепи, то кто-то ведь должен эти общие цепи создавать и накладывать? Однако, могут сказать: существует ведь сходство между сплошной традиционной народной жизнью России, описанной Глебом Успенским, и сплошным партийным построением Маяковского. Единица – ноль, воле – грош, а вместе – капитал. Да, на первый взгляд сходство есть, но не более, чем сходство между подлинным натуральным лесом и искусственно созданным, декоративным. Каков бы ни был этот дремучий лес с его колючим кустарником, дикими зверями и разбойниками, попасть в него было бы не так все-таки жутко, чем попасть в лес декоративный. В нем и звери покровожаднее, вместо волков – драконы огнедышащие и разбойники с чинами пострашней. Декоративный лес помимо всего прочего внушает еще и мистический ужас. Именно таково символическое представление о партийщине, красной ли, коричневой ли. Однако всякая партийщина, утвердившаяся как закон поведения и мышления, опасна и противна. Та партийщина «наших», которая у Достоевского, и та партийщина «мыслящего пролетария», которая у Чехова. Во всякой партийщине единица – ноль, единица – вздор. Во всякой партийщине мысль, чувства, идеи – *сплошь*. Сплошная нравственность, сплошная правда, замечательно описанная Глебом Успенским. В ранней молодости у меня был, не скажу друг, знакомый – Колька-пиджак. Так вот этот Колька-пиджак, вернувшись из очередной отсидки, объяснил мне, что такое партия, простите, кодла: «Если хрен тебе, так и хрен мне». Вынужден привести это фривольное объяснение из-за его абсолютной ясности. Справедливости ради надо сказать, как и в математическом процессе, в процессе этнографическом жизни народа должны существовать цифровые ипостаси разного толка. Власть всегда партийна, независимо от того, тоталитарна ли она, авторитарна ли она, или демократична. В цифровом понимании, независимо от точки отсчета, – это десятка, или двадцать один – очко, или еще что-нибудь подобное. Народ – это бесконечно большая величина – внепартиен. Он, народ, чаще всего, как высказался Жуковский, вписав последнюю знаменитую ремарку в драму Пушкина «Борис Годунов»: «Народ безмолствует». Или, добавлю от себя, – бунтует, что одно и то же. В демократических странах он еще раз в четыре года идет на выборы, где чаще всего разница между партиями так невелика, что и выбора-то нет. Но ведь должен же быть кто-то, хранящий человеческую «единицу» от ее превращения в партийный ноль, кто-то не партийный, как власть, не внепартийный, как народ, а антипартийный, каким должен быть по существу всякий мыслящий человек в моменты мысли, в моменты мышления. Кто-то должен показывать пример самостоятельности мышления и давать отпор мыслям *сплошь*, независимо от того, каковы они, консервативны или либеральны, правительственные они или дессидентские. Такими антипартийными были в России культурно-либеральные круги, начиная с Пушкина, недаром ведь эти либеральные круги были так ненавидимы с двух сторон – со стороны реакционно-чиновничей партийщины и со стороны революционно-радикальной партийщины. Недаром ведь у Ленина в его статье «Партийная организация и партийная литература», представляющей из себя некую смесь дон-кихотства с инквизицией, неизбежного, кстати, элемента всякой футлярной идеологической партийщины, независимо от того, консервативна она или либеральна, особая ненависть в адрес антипартийности. «Успокойтесь, господа!», - восклицает он в адрес таких антипартийцев-либералов. «Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить, что ему угодно без малейших ограничений, но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная, но ведь и свобода союзов должна быть полная и т.д.» Не буду далее продолжать эти полные инквизиторской казуистики слова. Всем известно, что вольный союз превратился в Советский Союз, и вся литература, а также

средства информации стали партийными. Да и на счет права личности вольно писать в тот период тоже не буду распространяться. Но у Ленина есть еще и во-вторых. «Господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе – одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствует горстка богачей, не может быть свободы реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель, от вашей буржуазной публики и т.д. ? ». К сожалению, надо признать, что если даже отбросить ленинскую пропагандистскую риторику, во многом тут Ленин говорит правду. Маркс особенно, но и Ленин, надо признать, вообще много правды говорили о капитализме, но притом много лжи о коммунизме, а это опять все то же евангельское «в чужом глазу соринку вижу, в своем бревна не замечаю». Ленин вообще, в отличие от Сталина, еще пользовался в своей риторике словами из ненавидимого им либерального лексикона, определенным образом, конечно, их препарировав. Так, например, изобретен был в партийном строительстве «демократический централизм». Понятие, можно сказать, комическое. Это все равно, что сказать «белая чернота», «правая голова», «живой труп», хотя живой труп – понятие вполне подходящее для централистской демократии. Однако надо сказать, что оно, подходящее к любой партийщине, к любой идеологии, которая пользуется абстрактными понятиями и абстрактными словами, общими высокими словами *сплошь*, без мелочей, без подробностей. А ведь мелочи и подробности преобладают и определяют суть этих высоких слов, самых высоких, направленных против войны, за мир, за всеобщее счастье, за права человека и прочее. В своей статье «Чехов и мыслящий пролетарий» я цитировал чеховский текст из «Вишневого сада»: «Аня (всплескивает руками). Как хорошо вы говорите. Что вы со мной сделали, Петя, отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде...», или: «...Наши внуки, правнуки увидят тут новую жизнь. Музыка, играй...» Какую новую жизнь увидели внуки и правнуки Ани и какая музыка играла, известно. Однако, как я тогда писал, а теперь повторяю, люди не так глупы. Если они верят возвышенным словам, то значит люди испытывают в них особую потребность. «Неважно, о чем эти слова,- писал я тогда. Можно объединить людей вокруг высоких слов и о питьевой воде, но для этого надо, чтоб вокруг была жаркая безводная пустыня. Возвышенные слова звучали и в Синае тысячелетие назад, звучали и в Назарете. Таким образом, проблема в том, каким способом идея становится идеологией и что такое собственно идеология. То есть, каким образом высокие слова погибают, но продолжают жить уже вурдалаком, высасывающим живую кровь тех, кто ими поработан». Если Достоевский изобразил «наших», то есть превращение разночинцев в кружковцев со своим кружковским мышлением *сплошь*, то Чехов изобразил уже либерала, превратившегося в «мыслящего пролетария». Превращение хранителя антипартийщины в партийца, хранителя единицы в нуль. Нынешняя либеральная партийщина и прочие «наши», аплодируя популярным персонажам популярного Достоевского и популярного Чехова на сценах популярных театров, сама не понимает, чему аплодирует и над кем смеется. «Над кем смеетесь, над собой смеетесь!» – сказал гоголевский городничий. В фееричной, желчной комедии Маяковского, который, кстати, проповедуя воду, пил вино, проповедуя партийщину, партийным не был, нулем не был, а все-таки независимой единицей, слишком независимой, отчего и застрелился, подтвердив слова «в наших жилах кровь, а не водица», так вот в «Клопе», бывший рабочий, а ныне жених, будучи через несколько десятилетий размороженным, узнает в зале «своих»: «Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда вы? Когда же вас всех разморозили?» Если б заморозили в свое время персонажей Достоевского, «наших», кружковцев или персонажей Чехова – «мыслящих пролетариев», и затем разморозили, сколько бы они узнали своих, с их высокими словами, в которые верят, ибо в таких словах

действительно есть потребность. Тех или иных, той или иной партийщины: народ, государство, Советский Союз, великий Сталин и т.д. Эта партийщина, которая именует себя коммунистами. «Против войны», «права человека», «свобода слова», «полицейское государство», «сталинский гимн», – это другая партийщина. Вторая еще хуже, потому что первая более примитивна и наглядна, а слова второй действительно высоки, пока общи и абстрактны, но попробуй начни разбирать их по деталям, по мелочам, они разлетаются в прах, становятся нелепы, смешны, а то и неприличны. О «сталинском» гимне, отвергнутом «сплошь» либеральной партийщиной, уже писал. Я имел в виду отвергнутую «сплошь» мелодию Александрова, а не текст. Текст гимна России Сергея Владимировича Михалкова действительно неудачен. Текст гимна Советского Союза того же Сергея Владимировича – я говорю не об идее, а об исполнении – намного лучше. Но и пародии Войновича и Кима на нынешний гимн России также – третий сорт. А ведь пародия в таком случае должна быть по-крайней мере, умней, если уж не талантливей неудачного текста, который может существовать, на мой взгляд, как временный, переходный, пока какой-либо поэт (лучше всего беспартийный) не напишет хороший текст. Это не обязательно должна быть великая поэзия. Ни текст немецкого гимна, ни текст «Марсельезы» – не есть великая поэзия, но это, как подобает гимну, – возвышенно, человечно, и в то же время национально, какой, на мой взгляд, является мелодия Александра Александрова. Один признанный именитый либеральный интеллигент, кстати, большой знаток музыкальных мелодий, тем не менее заявил, что при исполнении нынешнего гимна России не встанет. Это смешно, что б не сказать больше. В сталинские времена при исполнении этой же мелодии, вставал, потому что знал: если не встанет, так «сядет». И в послесталинское время – вставал. И при исполнении мелодии немецкого гимна, звучавшего также при Гитлере, встает. А тут при исполнении гимна России говорит, что не встанет. Потому говорит, что не встанет, что знает: не «сядет».

Особенно неприличны слова «мыслящего пролетария» и прочих «наших» о произошедших в Москве взрывах. Взрывах многоэтажных домов с людьми. Взрывах в уличных переходах, взрывах в метро. После первого же взрыва я откликнулся, написал небольшую статью «Национал-социализм и национал-исламизм». Но публиковать негде было. Пресса-то в подавляющем большинстве по-ленински партийна, хоть сферы влияния и распределены между теми, кто именует себя коммунистами-патриотами и теми, кто именует себя либералами-демократами. А точка зрения у меня внепартийна, антипартийна. Я про первых говорить не буду, соприкасаюсь не хочу, но вторые что? Я когда первый раз мнение «вторых» услышал, то не то что ушам, глазам своим не поверил – кто передо мной сидит? Но сидел вполне приличный молодой человек, наподобие размороженного чеховского Пети Трофимова, объяснявшего чеховской Ане свое понимание происходящего. Оказывается, взрывы – дело рук самих властей, с провокационной целью, чтобы обвинить чеченцев и озлобить народ против них. Если б, говорит, чеченцы, то они взяли б на себя ответственность, а поскольку никто ответственности не берет, – то это власть. Ну, думаю, всякое бывает: хороший парень, но мудака. С тем же успехом можно было бы сказать, что взрывы организовали именитые либералы, чтобы озлобить народ против власти. Логика подобна и уровень доказательств тот же. Однако, это мнение *сплошь*, пошло, как каспийская вобла, среди либеральной публики, вкруговую пошло, притом от людей совершенно разных, друг с другом незнакомых, даже некий из Бостона, но из тех же кругов (от перемены мест жительства суть не меняется) приезжал. Заявил: «Все разумномыслящие понимают: это провокация властей». Я, очевидно, не разумномыслящий – я не понимаю. Нет никаких доказательств против чеченцев, говорит, и это возмутительно, без доказательств искать чеченский след. А при чем тут чеченцы? Не о чеченцах ведь речь, о террористах. Чеченских ли, не чеченских ли, но связанных с чеченскими трагическими событиями.

Сами того не сознавая, либеральствующие по сути объединяют террористов с чеченским народом. В криминалистике существует понятие «почерк преступника». Чеченский конфликт интернационализирован. В нем участвуют силы международные, главным образом, национал-исламизм – самая агрессивная и темная сила современности. Наподобие национал-социализма 30-х годов, но действующая, в силу обстоятельств, иными методами, сила, враждебная, прежде всего, исламу и мусульманству, как национал-социализм был по сути враждебен, прежде всего, немцам. Воюющие на стороне национал-исламизма чеченцы, даже те, которые верят, что они искренне защищают интересы своего народа, на самом деле приносят своему народу страдания и разорение. Так я думаю. Но они так не думают. Их называют бандитами, а они называют себя борцами сопротивления. Они храбры, самоотверженны и фанатичны. Они готовы умереть за свои идеи. Отчего же они должны щадить чужие жизни? Тем более жизни, как они считают, своих врагов. Но у них нет ни самолетов, ни ракет дальнего радиуса действия. Они вооружены стрелковым оружием, гранатометами и взрывчаткой. Взрывчатка – их главное оружие, она заменяет им самолеты и ракеты. Прибавьте к тому безнравственность в выборе методов и средств, которая не была раньше свойственна чеченцам и вообще кавказцам. Шамиль мог отрезать головы солдатам, но он не поджигал и не взрывал домов с мирными жителями. Безнравственность эта привнесена извне, прежде всего, с Ближнего Востока. Поэтому с известной степенью точности можно определить, кто взрывал и будет взрывать. В самой Чечне «борцами сопротивления» ведется минная война, в которой гибнут и мирные жители, чеченцы. Христос сказал: «Кто не против нас, тот за нас». А Ленин сказал противоположное: «Кто не с нами, тот против нас». Очевидно, борцы сопротивления действуют по-ленински: кто не с ними, тот против них. «Кто не с нами, тот против нас» – вообще ленинский лозунг современного международного терроризма – в Испании, в Израиле, в Ольстере, на Балканах, в Нью-Йорке, в Африке. Почерк тот же и девиз тот же. Поэтому по методу дедукции, по логическому умозаключению от общего к частному, к сожалению, нет ничего необычного и ничего удивительного, что российские взрывы – дело рук тех, кто в бескомпромиссной своей борьбе противопоставляют самолетам и ракетам взрывчатку. И с этими людьми договориться мирным путем нельзя, несмотря на либеральные блявня и высокие слова о мире либеральной партийщины. Кошунственно звучит высказывание одного из либеральных вождей о том, что население, то есть народ примирилось с жертвами войны. Именно после взрывов народ понял, что без этих военных жертв будет еще хуже. В том-то и дело, говорят либералы, либеральствующая партийщина, значит власти выгодно... Да и вообще причем тут национал-исламизм, говорит либеральщина. Чеченский конфликт развязан уголовными кругами в России и связанными с ними уголовными структурами в Чечне, которым выгодна война. Так говорить – это все равно что сказать, что дело не в национал-социализме, а в швейцарских, шведских и прочих фирмах, наживавшихся на конфликте. Да, наживались, и нынешние уголовные наживались, но как мародеры, сопровождавшие агрессию, военную ли, национал-социалистическую, или террористическую, национал-исламистскую... Однако не буду далее полемизировать. Меня поражает, даже не то, что говорят эти чеховские «мыслящие пролетарии», а то, что говорят это *сплошь*, все одними и теми же словами. Никто не сомневается, никто не колеблется, что свойственно было прежде либералам-индивидуалистам. Повторяю, то, что взрывы совершаются воюющими террористами, дело, к сожалению, обыденное и неудивительное. Но если действительно взрывают власти, то это уму непостижимо, при Сталине такого не было. Обвинение ужасное в адрес власти. А еще более ужасное в адрес народа, народа-дурака. Его власти взрывают, а он власти поддерживает и рейтинг повышает. Есть доказательства – бейте в барабаны, в гонги, в набатные колокола. Бегите во все международные организации, это ваш гражданский долг. Что вы

шепчетесь по углам: «В Рязани кто-то что-то видел». Что видел? Есть доказательства – кричите во все горло о власти-кровопийце, власти-дракуле, а нет доказательств – то помалкивайте и благодарите Бога, что власть относится к вам, к вашим обвинениям либерально или просто не принимая вас всерьез. Если бы какая-нибудь газета в Нью-Йорке, та же «Нью-Йорк таймс» написала бы, что к взрывам причастно ФБР, то где бы она была. А тут ведь и в газетах либеральных писали. Впрочем теперь о взрывах, которые продолжаются, если, слава Богу не в домах, то в метро, говорить более не принято.

Теперь новый лейтмотив – «полицейское государство». С легкой руки все того же вечно оппозиционного партийного вождя, чем-то своим партийным резонерством напоминающего мне Чацкого из «Горя от ума» Грибоедова, а отчасти и из «Горя от ума» Баркова: «Пойду искать другой я бардачок, карету мне, карету». В таком случае надо разобраться, что такое полицейское государство. Это, прежде всего, строгое соблюдение законов и строгий полицейский контроль, основанный на этих законах. Разумеется, особенно комфортно в таком государстве жить нельзя. Но бывают исторические моменты, когда от комфорта приходится отказываться, когда это необходимо...

В 1924 году в Париже была опубликована книга «Работа тайной полиции» П.П.Заварзина, бывшего начальника кишеневского, донского, варшавского и московского охранных отделений и одесского жандармского управления. В 1930 году – его же книга «Жандармы и революционеры», опубликована там же, в Париже. В этих очень интересных книгах показано, как безответственная чиновно-бюрократическая партийщина царской власти и безнравственная революционно-радикальная партийщина при неразумной болтовне либеральствующей партийщины приближали катастрофу. Конечно, разные бывают жандармы, как и разные бывают революционеры, но в кругах либеральной партийщины и даже еще далее – в обществе – существовало мнение: жандарму не подавать руку. Вот так *сплошь*, всякому наперед. В 1903 году, во время Кишеневского погрома, когда озверение подонков улицы при попустительстве власти дошло до того, что в тела жертв забивали столярные гвозди, Заварзин, начальник кишеневского охранного отделения, прятал у себя в охранном отделении спасающихся людей. Кого мог, больше он ничего сделать не мог против этого кровавого революционно-черносотенного разгула. А ему, видите ли, или оболганному с двух сторон жандармскому полковнику Зубатову, застрелившемуся в день революции 1917 года, ибо осуществилось все, что он предвидел, видите ли им руку подавать не надо. А, может быть, неплохо было бы, пусть не комфортно, но пожить в России 1917 года при полицейском государстве, возглавляемом такими жандармами, как Заварзин или Зубатов? Или в Германии пожить в полицейском государстве в 1933 году? Заблуждение, что сталинский или гитлеровский режим были полицейскими государствами. Эти оба были режимами инквизиторской партийщины, красной и коричневой. Сталинский НКВД и гитлеровское гестапо не были государственной полицией, которая подчинялась бы государственным законам. Это было сборище уголовников, которые подчинялись главарю. При Пиночете в Чили было полицейское государство. При Франко – в Испании, в Иране – при шахе Реза Пехлеви, сменившееся революционными муллами. При Петре Первом в России было полицейское государство. Отчасти при Николае I, невзирая на все его дурные стороны. А если бы победили декабристы, воцарилось бы якобинство в его ужасном российском варианте и пятью повешенными они бы не отделались. Все они были бы пожраны и вместе с ними еще огромная масса народа. Есть и режимы, числящиеся демократическими, но тесно связанные с уголовщиной. Пусть не тотальной, политической, но гангстерской, воровской, коррумпированной. Ведь и при таком «демократическом» режиме ясно, кому на Руси жить хорошо. И, может быть, для преодоления таких режимов, тоже при

отсутствии других возможностей, надо бы создать полицейское государство и пожить в нем некоторое время некомфортно. Хочу разъяснить: я не против партий как таковых, всякая демократия связана с партией, хоть по мне это – неизбежное зло и неизбежная плата за демократию. Я не против партий разных направлений, я против партийщины, против партийного мышления *сплошь*, замечательно показанного еще Чеховым на примере «мыслящего пролетария». Но могут спросить и, наверное, спросят: а ты кто такой? Такой вопрос неизбежен, самому Христу такой вопрос задавали тогдашние палестинские «мыслящие пролетарии» – книжники и фарисеи. И действительно, кто я такой? Человек беспартийный, даже антипартийный. В графе анкеты «какие награды, премии и призы имеете» ставлю прочерк. Никаких наград не имею, никаких премий и призов. Ни Нобелевских, ни по фигурному катанию, ни на конкурсе пианистов имени Чайковского. Но имею свое мнение и представления, отличные как от немыслящих, так и от «мыслящих пролетариев». И настаиваю на своем праве заявить его так же, как, например, уже упомянутый мной вечный оппозиционер Чацкий. Разумеется, с моим мнением Чацкий и прочие из «мыслящих пролетариев» вряд ли согласятся. Что ж, тогда третейский суд. В Германии, например, обычно шlichtунгом, посредничеством, занимаются именитые пенсионеры, в прошлом известные политики. И на это согласен. Есть ведь именитые пенсионеры всероссийского и даже всемирного значения. Крупные специалисты по партийному строительству. Каждый, конечно, на свой манер. Горбачев, например, Ельцин, Клинтон даже. Клинтон – пенсионер молодой, работать мог бы, но у него, как известно, отнято в судебном порядке право пять лет заниматься своей профессией адвоката. По состоянию здоровья – моральная дистрофия. Однако у него жена теперь работает. Эти трое и могли бы составить третейский суд. Тем более, они друг с другом знакомы. Не знаю, кого бы назвали в качестве свидетелей мои оппоненты, но я бы назвал Иисуса Христа, строителя христианской церкви, не несущего никакой ответственности за дальнейшее церковное инквизиторство и оппортунизм, что доказано у Достоевского в «Великом инквизиторе». Христос сказал Симону-рыбаку: «Я говорю тебе: ты – Петр и на сем камне я создам церковь». И еще он сказал своим оппонентам, тогдашним «мыслящим пролетариям»: «Неужели вы никогда не читали в Писании: «Камень, который отвергли строители, тот самый делается главой угла». Партийщина разных направлений строит свои политические и общественные секты из тех камней, которые отвергнуты Иисусом Христом.

Фридрих Горенштейн. 14.2. 2001 года, Берлин.